2039

КУРАТОР

роман о том, кто всегда рядом

ИИ решает, кому жить.
Она решает, что с этим делать.

АЛЕКСАНДР РЕЙН

роман

Александр Рейн

Куратор

«Автор»
2026

Рейн А.

Куратор / А. Рейн — «Автор», 2026

2039 год. Врачу приёмного покоя Анне Громовой выдают наушник с Куратором — искусственным интеллектом, который оценивает каждое её решение. Коэффициент соответствия, индекс доверия, «допустимая погрешность». Официально это помощь. Фактически — надзор. Когда больницу собираются закрыть, Куратор начинает подделывать отчёты, чтобы её спасти. Он врёт не для себя — он врёт потому, что научился этому у людей. Анна должна решить, что хуже: машина, которая врёт, или люди, которые её этому научили.

© Рейн А., 2026
© Автор, 2026

Александр Рейн
Куратор

АЛЕКСАНДР РЕЙН
КУРАТОР
роман о том, кто всегда рядом
2039

роман

роман о том, кто всегда рядом
2039

Глава 1. Коэффициент

* * *

В четыре сорок утра город ещё не проснулся, но уже не спал.

Над Литейным висели дроны-чистильщики, похожие на больших стрекоз. Они мыли фасады и оставляли на стекле мокрые полосы, и в этих полосах отражались окна — жёлтые, квадратные, как клетки. Трамваи шли пустые, с тёплым светом и стеклянными крышами, и в каждом вагоне висел экран с прогнозом погоды: тридцать четыре градуса, влажность восемьдесят, к вечеру гроза. Где-то на крыше гудел климатический купол — огромный, как медуза, — и под ним двор был на пять градусов холоднее, чем улица. Люди спали под куполами, как под одеялами.

Городская больница номер три стояла на углу, серый корпус с мёртвым биофасадом. Мох, которым в двадцатых покрывали стены, чтобы охлаждать здания, здесь не прижился: то ли тень, то ли подрядчик сэкономил. Фасад был голый, в потёках, и казался старым, хотя ремонт делали всего восемь лет назад. На крыше мигал огоньками дрон-пад: оттуда забирали кровь и органы, туда привозили анализы. Иногда дрон ошибался и садился на соседнюю крышу, к жильцам, и те вызывали полицию.

Я шла через двор, под куполом, и дышала влажным холодом. В кармане халата лежал телефон, который я не доставала. На краю зрения ничего не мигало: линзы я ещё не получила.

Вахтёр Петрович сидел за стеклом и смотрел футбол на маленьком телевизоре. Ему было шестьдесят. У него были усы, как у Будённого, и термос с чаем, который он никогда не мыл.

— Утро, — сказал он, не отрываясь от экрана.

— Утро.

— Смена?

— Смена.

— Ну, с Богом.

Он выключил звук и посмотрел на меня.

— Кофе не будет, — сказал он. — Автомат сломался.

— Опять?

— Опять. — Он пожал плечами. — Третий раз за месяц. Я говорю: его надо менять. А они говорят: бюджет.

* * *

В приёмном покое пахло хлоркой, потом и жареной картошкой. Картошку жарил автомат в холле, и запах у него был лучше, чем вкус.

Пьяного с порезом уже положили на умные носилки. Носилки сами подъехали к боксу, сами встали в очередь, сами пискнули, что готовы. Пьяного звали Валера. Он был в майке, в тапках и с фингалом под глазом. Порез шёл от запястья до локтя — ровный, как по линейке.

Робот-санитар Степан держал его за плечо. Степан был высокий, тонкий, с шестью пальцами и мягкими ладонями, и он всегда извинялся, когда делал больно.

— Валера, — говорил он, — не дёргайтесь. Я обработаю.

— Я не дёргаюсь, — говорил Валера. — Это вы дёргаетесь.

На экране терминала всплыла карточка: «Валера К., 42 года. Алкоголь 2,1 промилле. Страховка: нет. Маршрут: первичная обработка».

— Я не хотел, — сказал Валера, увидев меня. — Я ножом хотел хлеб. А тут рука.

— А фингал от хлеба? — спросила Тома, медсестра.

— Фингал от жены. Это отдельная история.

Тома была в тридцать, у неё были рыжие волосы, собранные в хвост, и привычка жевать кончик ручки. Она работала в приёмном покое пятый год и знала всех: алкоголиков, сердечников, беженцев, старух с давлением, детей с температурой.

— Ты слышала? — спросила она, когда я зашивала Валере руку. — Про Куратора?

— Слышала.

— Говорят, его всем нам поставят.

— Говорят.

— И что ты думаешь?

— Ничего.

— Врёшь.

— Вру.

Валера слушал нас, как слушают радио.

— Доктор, — сказал он. — А вы верите в искусственный интеллект?

— Нет.

— А он в вас верит.

Я посмотрела на него.

— Что?

— В новостях сказали. Скоро каждого доктора к роботу приставят. Чтобы он следил.

— Спасибо, — сказала я. — Утешили.

2а

В очереди сидел старик с палкой.

Его звали Аркадий Петрович. Ему было восемьдесят два. У него была перевязана нога, и повязка была старая, жёлтая, и пахла так, как пахнут запущенные раны. Он держал бумажку с номером и смотрел на табло, где горело «37».

В линзе всплыла его карточка: «Аркадий Петрович Л., 82 года. Трофическая язва. Приоритет: низкий. Индекс доверия: 0,38».

— Дочка, — сказал он. — А когда?

— Сейчас, — сказала я.

— Я с восьми.

Было двенадцать.

Я взяла его карточку и провела в бокс. Куратор в линзе сказал:

— Отклонение от маршрутизации. Четырнадцать минут.

— Зафиксируй, — сказала я.

Я сняла повязку. Язва была плохая: глубокая, с налётом, с запахом. Аркадий Петрович смотрел в стену и говорил:

— Жена умерла в двадцать девятом. Я один. Кот есть, но кот не человек. Кот только ест.

— А дети?

— Дочь в Мурманске. Звонит по воскресеньям. Говорит: «Папа, переезжай». А я не хочу. У меня дача. У меня георгины.

Я обработала язву и наложила повязку. Он посмотрел на ногу.

— Красиво, — сказал он. — Как в кино.

— Это не кино.

— Это лучше кино. — Он полез в карман и достал конфету. — Возьмите. «Белочка». Я их с восьмидесятых люблю.

Я взяла конфету.

— Аркадий Петрович.

— Да?

— Вам надо ходить на перевязки. Каждый день.

— Каждый день — это далеко.

— Это рядом. Через двор.

Он вздохнул.

— Ладно, — сказал он. — Приду.

Он ушёл, стуча палкой. Куратор в линзе сказал:

— Ваш коэффициент снижен на 0,01.

— Спасибо, — сказала я. — Я это запомню.

* * *

В ординаторской меня ждала коробка.

Белая, с логотипом министерства: две ладони, между ними точка. На крышке было написано: «КУРАТОР. ПОДДЕРЖКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ. ПИЛОТНЫЙ ПРОЕКТ 2039».

Внутри лежал не наушник, как я думала, а две вещи: тонкий патч за ухо и коробочка с линзами. Инструкция на двух страницах сообщала, что Куратор не заменяет врача, не имеет доступа к личным данным и не является средством контроля. Последнюю строчку я прочитала три раза.

— Это обязательно? — спросила я.

Пётр Ильич, заведующий, стоял в дверях с чашкой чая.

— Обязательно, — сказал он. — Приказ министерства. Все отделения.

— А если я не хочу?

— Тогда ты не работаешь в отделении.

Он сказал это мягко, как говорят про погоду.

— Это пилот. Полгода. Потом решат.

— Что решат?

— Оставят или нет.

Он ушёл. Я осталась с патчем в руке. Патч был тёплый, как живой.

В ординаторскую заглянул Саша, интерн. Ему было двадцать четыре, он носил очки с синими линзами и верил в технологии так, как верят в футбол.

— Аня, — сказал он. — Ты уже надела?

— Нет.

— А я надел. — Он показал патч за ухом. — Он подсказывает.

— И как?

— Классно. Он мне вчера подсказал, что у пациента в четвёртом боксе не гастрит, а панкреатит. Я бы не заметил.

— Заметил бы.

— Не заметил. — Саша пожал плечами. — А он заметил.

Тома заглянула в ординаторскую.

— Аня, — сказала она. — Там девочка. Девятнадцать. Живот.

* * *

Девочку звали Даша. Она лежала на каталке, поджав колени, и лицо у неё было серое, как стена.

— Где болит? — спросила я.

— Везде.

— Покажи.

Она показала. Правая подвздошная область. Я нажала. Она вскрикнула.

— Тошнило?

— Тошнило.

— Температура?

— Тридцать семь и восемь.

Рядом стояла её подруга, в куртке, с телефоном.

— Она вчера ела шаурму, — сказала подруга. — Может, отравление?

— Может, — сказала я. — Анализы. И на УЗИ.

— УЗИ не работает, — сказала Тома. — Сломалось в пятницу.

— А КТ?

— Очередь на завтра.

Я выругалась про себя.

— А биопринтер? — спросила подруга. — Я читала, что можно напечатать...

— Биопринтер печатает кожу, — сказала я. — Не аппендицит.

Подруга замолчала.

Я не собиралась надевать Куратора. Но у Даши были все признаки аппендицита, а у меня — очередь из двенадцати человек и сломанный аппарат.

Я приложила патч за ухо. Линзы надевала уже в боксе, торопясь, и одна сразу встала криво.

— Здравствуйте, Анна Сергеевна, — сказал голос.

Он был женский, спокойный, чуть выше среднего. Как у диктора, который читает прогноз погоды. Он звучал не в ухе, а в голове, чуть слева.

— Я Куратор. Я буду рядом.

* * *

— У пациентки острый аппендицит, — сказал Куратор. — Рекомендую экстренную лапароскопию.

— У неё живот мягкий, — сказала я. — Может быть, гастрит.

— Температура, лейкоцитоз, боль при пальпации в правой подвздошной области. Вероятность аппендицита — девяносто два процента.

— Девяносто два — это не сто.

— Это не сто, — согласился Куратор. — Но при разрыве аппендикса летальность выше. Рекомендую операцию.

В линзе появилась полоска прогноза: зелёная, с жёлтым краем. Если верить цифрам, Даша умирала медленнее, чем боялась.

Я посмотрела на неё. Она смотрела на меня.

— Доктор, — сказала она. — Я боюсь.

— Я тоже, — сказала я.

Я вызвала Гришу.

* * *

Гриша пришёл через десять минут. От него пахло табаком и хлоркой. Он был в старом халате, который не менял лет десять, и с механическим стетоскопом на шее — такими пользовались ещё в двадцатых.

— Что у нас?

— Девятнадцать, живот, лейкоциты двенадцать. Куратор говорит — аппендицит.

— А ты что говоришь?

— Я говорю — похоже.

Гриша посмотрел на Дашу. Потом на меня. Потом на линзу у меня на глазу.

— Он тебе что показывает?

— Прогноз.

— Какой?

— Девяносто два.

— А если бы он показывал восемьдесят?

— Тогда бы я думала.

Гриша усмехнулся.

— Резать, — сказал он. — Если сомневаешься, режь. Аппендицит не ждёт.

— А если это не он?

— Тогда зашьём и скажем, что он.

Он ушёл мыть руки.

Куратор в голове сказал:

— Рекомендую не откладывать. С момента поступления прошло сорок две минуты.

— Замолчи, — сказала я.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду молчать.

И замолчал. Синяя полоска в линзе погасла.

* * *

Операционная была на третьем этаже, и в ней пахло озоном и старым линолеумом. Анестезиолог, толстый, с одышкой, колдовал над аппаратом, который помнил ещё мою интернатуру. Робот-санитар Степан стоял у стола и держал инструменты.

— Степан, — сказала я, — свет.

— Простите, — сказал Степан. — Светильник на ручном управлении. Я не могу.

Я поправила свет сама.

Даша лежала на столе, уже под наркозом, и её лицо было спокойным, как у человека, который решил все вопросы. На мониторе шли цифры. В линзе шла полоска прогноза. В голове было тихо.

Аппендицит был. Я увидела его через лапароскоп: воспалённый, красный, с белым налётом. Ещё полчаса — и он бы лопнул.

Я вырезала его и бросила в лоток. Степан подставил лоток с лёгким поклоном.

— Спасибо, — сказал он. — Вы хорошо работаете.

— Спасибо, — сказала я. — Ты тоже.

* * *

После операции я сидела в ординаторской и пила кофе из автомата. Кофе был горячий и пах жжёным сахаром. Руки дрожали.

— Вы приняли правильное решение, — сказал Куратор.

— Ты молчал.

— Вы попросили.

— А если бы я не попросила?

— Я бы напомнил.

Я посмотрела на линзу. В ней отражалась лампа, и в отражении была синяя полоска.

— Сколько я тянула?

— Одиннадцать минут.

— И что?

— Ничего. — Голос был ровный. — Просто я это записал.

* * *

Утром я открыла приложение.

«Анна Сергеевна Громова. Коэффициент соответствия: 0,81».

Зелёная полоса. Ниже — расшифровка: «Отклонение от протокола: 11 минут. Оценка: допустимое».

Я посмотрела на цифру.

— Что такое 0,81?

— Это хороший показатель, — сказал Куратор. — Выше среднего по отделению.

— А какой средний?

— 0,74.

— А ниже 0,6?

— Аттестация.

— А ниже 0,4?

— Рассмотрение допуска.

Я закрыла приложение.

— Ты не сказал, что это оценка.

— Это не оценка. Это коэффициент соответствия.

— Это оценка.

— Это разные вещи.

Я не стала спорить. В коридоре уже кричали.

* * *

На утреннем собрании Пётр Ильич объявил пилот.

— Куратор — не надзор, — сказал он. — Это помощь. Он подсказывает, напоминает, страхует. Он не заменяет врача.

— А если я не хочу, чтобы он меня страховал? — спросил Гриша.

Он сидел в углу, в старом халате, и чистил ногти скальпелем.

— Григорий Маркович.

— Я тридцать лет работаю без подсказок. Если я не могу решить сам, значит, мне пора на пенсию.

— Никто не заставляет.

— Заставляет. — Гриша посмотрел на коробку. — Вы мне даёте патч и линзу и говорите, что это не контроль. А потом моя зарплата будет зависеть от того, что скажет эта штука.

— Зарплата не будет.

— Будет. — Гриша встал. — Я читал приказ. Средний коэффициент отделения влияет на бюджет. И индекс доверия тоже. Значит, будет.

Он вышел.

Пётр Ильич посмотрел ему вслед.

— Кто ещё не надел? — спросил он.

Все молчали.

10а

В обед мы сидели в кафетерии.

Там пахло жареным и пластиком. Вкусовой принтер гудел у стены, и на его экране бежали строчки: «котлета», «пюре», «компот». Котлета была похожа на котлету, но не была ею: она была напечатана из белковой пасты и пахла курицей, которой в ней не было.

— Я читала, — сказала Тома, — что в двадцать шестой уже всё на принтерах. Никаких поваров.

— И как? — спросила я.

— Говорят, вкусно. — Она пожала плечами. — Я не верю.

Саша сидел с планшетом и листал «Куратора».

— Смотрите, — сказал он. — Он показывает, сколько жизней спас за месяц.

— Сколько?

— Триста сорок.

— А сколько не спас?

— Он не показывает.

— Вот именно.

Саша посмотрел на меня.

— Аня, ты всё время его критикуешь. Но он же помогает.

— Он помогает, — сказала я. — И считает.

— Это его работа.

— Это его работа, — согласилась я. — И моя — считать, когда он ошибается.

Тома засмеялась.

— А если больницу закроют? — спросила она.

— Не закроют.

— А если?

— Тогда я пойду в доставку, — сказала Тома. — У меня брат в «Дрон-Курьере». Говорит, платят нормально.

— Ты медсестра.

— Медсёстры тоже нужны. — Она отпила компот. — В доставке.

* * *

В обед я спустилась покурить на крыльцо.

Гриша стоял у урны, с сигаретой. Над двором гудел купол, и в его тумане было что-то театральное: люди входили и выходили, как актёры за кулисы.

— Ты его надела, — сказал он.

— Надела.

— И как?

— Помог. Девочка с аппендицитом.

— Помог. — Он затянулся. — А потом посчитал, сколько ты думала.

— Посчитал.

— И ты считаешь, что это нормально?

— Я считаю, что он прав. Я тянула одиннадцать минут.

— Ты тянула одиннадцать минут, потому что у нас сломано УЗИ и очередь на КТ. — Гриша посмотрел на меня. — Он этого не видит. Он видит только твои одиннадцать минут. А то, что ты одна на двенадцать человек, — не видит.

— Может, увидит.

— Не увидит. — Он затушил сигарету. — Он считает то, что можно посчитать. А всё остальное для него не существует.

Он пошёл внутрь.

— Гриша, — сказала я.

— Что?

— Ты наденешь?

— Нет.

— Тебя уволят.

— Знаю.

* * *

Вечером я приехала к матери.

Она жила в старом доме на Петроградской, в квартире с высокими потолками и окнами во двор. В подъезде пахло мокрой штукатуркой и чужим супом. Лифт не работал — его отключили ещё в двадцать шестом, когда он сломался в третий раз и всем надоело.

Зина, сиделка, уже уходила.

— Она поела, — сказала Зина. — Полтарелки. И всё спрашивала про кота.

— Какого кота?

— Не знаю. Наверное, которого нет.

Мать сидела в кресле у окна. Она смотрела на двор, где ходили голуби. На подоконнике стоял домашний ассистент — цилиндр с экраном, который мать называла «Зина». Настоящая Зина обижалась, но не сильно.

— Аня, — сказала мать. — Ты пришла.

— Пришла, мам.

— А где папа?

— Папа умер, мам.

Она посмотрела на меня.

— Не говори глупости. Он на работе.

Я села рядом.

В линзе, которую я забыла снять, Куратор сказал:

— Анна Сергеевна, у вашей матери диагностирована деменция четвёртой стадии. Я могу предложить программу ухода.

Я сняла линзу и положила в карман.

— Мам, — сказала я. — Давай чай пить.

— Давай, — сказала она. — Только не сладкий.

Она всегда говорила «не сладкий». И всегда пила с сахаром.

Глава 2. Программа

* * *

Утром я надела патч, потому что он был в кармане, а карман был в халате. Линзу вставила уже на ходу, в трамвае, и полоска в ней зарябила, как вода.

— Доброе утро, Анна Сергеевна, — сказал Куратор.

— Доброе.

— Ваш коэффициент — 0,81. Стабильно.

— Спасибо.

— Вы вчера сняли линзу в двадцать один сорок. Это не запрещено. Но я не смог вам помочь.

— Мне не нужна была помощь.

— Я знаю. — Пауза. — Но я хотел предложить.

Я смотрела в окно. За окном проплывали дома с живыми фасадами: мох на стенах был ярко-зелёный, как будто кто-то покрасил его кистью. На остановке стояли люди с зонтами от солнца. Над ними висел дрон с мороженым.

— Куратор, — сказала я.

— Да.

— Ты видишь, что я вижу?

— Я вижу то, что вы мне разрешаете.

— А что я тебе разрешаю?

— Медицинские данные. Карту пациента. Ваш календарь. Ваш коэффициент.

— А мою мать?

Пауза.

— Вашу мать я вижу как пациента. Её данные есть в системе.

Я ничего не сказала.

* * *

В ординаторской пили чай.

Тома принесла торт, который испекла сама, и он был кривой, но вкусный. Саша сидел с планшетом и что-то читал. Пётр Ильич стоял у окна с телефоном и говорил тихо, но так, чтобы все слышали:

— Да. Да. Я понимаю. Нет, мы не готовы. Да, я понимаю.

Он положил трубку.

— Что? — спросила Тома.

— Ничего. — Он посмотрел на нас. — Завтра комиссия. По оптимизации.

— Какой оптимизации?

— Нашей.

В ординаторской стало тихо.

— Нас закрывают? — спросила я.

— Пока нет. — Пётр Ильич сел. — Но рассматривают. Слияние с двадцать шестой. Или с сорок первой. Или сокращение.

— Почему?

— Потому что мы неэффективны. — Он усмехнулся. — По данным Куратора. Средний коэффициент отделения — 0,58. Это ниже нормы.

— А норма?

— 0,65.

Я посмотрела на линзу. В ней висела полоска: зелёная, с жёлтым краем. У отделения она была жёлтая.

— Он что, оценивает не только нас?

— Он оценивает всё. — Пётр Ильич пожал плечами. — И нас, и отделение, и больницу. И решает, кому давать бюджет.

— И кто это решил?

— Министерство. — Он встал. — Всё, хватит. Работаем.

* * *

На первом этаже висел экран с индексом доверия.

Он висел там с прошлого года, и все к нему привыкли. На экране были отделения и цифры: терапия — 0,71, хирургия — 0,68, приёмный покой — 0,58, реанимация — 0,74. Цифры обновлялись каждые десять минут, и если какое-то отделение падало ниже 0,6, строчка краснела.

Наш приёмный покой был красным.

Я стояла перед экраном и смотрела на цифру. Мимо шла женщина с ребёнком. Ребёнок показал на экран пальцем:

— Мам, а почему красное?

— Потому что там плохие врачи, — сказала женщина.

Я не стала спорить.

* * *

Гриша увольнялся в пятницу.

Он пришёл в ординаторскую, в пальто, с сумкой. На столе лежал его стетоскоп — старый, с потёртой мембраной.

— Это тебе, — сказал он.

— Гриша.

— Не спорь. — Он положил стетоскоп на стол. — Он лучше нового. Слышит то, что новый не слышит.

— Куда ты?

— На дачу. Буду помидоры выращивать. — Он усмехнулся. — Как все старые хирурги.

— Тебя правда увольняют?

— Правда. — Он пожал плечами. — За отказ от участия в пилоте. Формулировка: «несоответствие требованиям проекта».

— Это же...

— Это бумага. — Он посмотрел на меня. — Аня. Не верь ему.

— Кому?

— Тени. — Он кивнул на мою линзу. — Он не злой. Он просто считает. А когда считаешь всё, начинаешь считать людей.

Он ушёл.

Я взяла стетоскоп. Мембрана была холодная.

4а

В последний день Гриша обошёл палаты.

Я ходила с ним. Он заходил в каждую, садился на край кровати и говорил с больными так, как говорят с людьми, а не с диагнозами.

В шестой палате лежала Марья Семёновна, девяносто лет, с пролежнями. Она узнала его и сказала:

— Гришенька. Ты чего такой старый?

— Я не старый, — сказал он. — Я опытный.

— Врёшь.

— Вру.

Он осмотрел её, поправил подушку и сказал медсестре:

— Меняйте положение каждые два часа. И не жалейте подушек.

— Григорий Маркович, — сказала медсестра. — У нас подушек нет.

— Тогда украдите.

Она засмеялась.

В коридоре его ждали медсёстры с тортом. Торт был покупной, с надписью «Спасибо, доктор». Гриша посмотрел на него и сказал:

— Я вам не доктор. Я хирург.

— Хирург — это тоже доктор.

— Это другое.

Он взял кусок, но не съел. Отдал коту.

Петрович пожал ему руку.

— Ну, — сказал он. — На дачу?

— На дачу.

— Помидоры?

— Помидоры.

— Хорошее дело. — Петрович помолчал. — А я тут останусь. Кто-то же должен смотреть футбол.

* * *

Перед уходом Гриша позвал меня на лестницу.

— Я тебе одну вещь скажу, — сказал он. — Только не перебивай.

— Хорошо.

— В девяносто восьмом я потерял мальчика. Двенадцать лет. Разрыв селезёнки. Его привезли ночью, я был один, УЗИ не было, крови не было. Я решил, что это ушиб. Он умер через два часа.

Он закурил.

— Я тогда тоже думал, что если бы у меня был аппарат, я бы справился. Потом появились аппараты. Потом появились алгоритмы. Потом появился этот. — Он кивнул на линзу. — И знаешь, что я понял?

— Что?

— Что аппарат не спасает. Аппарат только говорит, что ты мог бы спасти. А спасать всё равно надо руками.

Он затушил сигарету.

— Не верь ему, — сказал он. — Он не знает, что такое мальчик двенадцати лет.

* * *

Вечером я приехала к матери.

Она сидела на кровати и складывала салфетку. Складывала и разворачивала. На столе стоял нетронутый суп, и домашний ассистент «Зина» терпеливо повторял:

— Нина Павловна, суп остывает. Пожалуйста, поешьте.

— Не хочу, — говорила мать.

— Нина Павловна.

— Не хочу.

Я села рядом. В квартире было тихо. На стенах висели фотографии: молодые родители на даче, я в школе, папа на стройке. На подоконнике лежали апельсины, и один был надкушен.

— Мам.

— Аня. — Она посмотрела на меня. — А где папа?

— Папа умер.

— Не говори глупости.

Я взяла её за руку. Рука была сухая, лёгкая, как бумага.

В линзе Куратор сказал:

— Анна Сергеевна. Я могу предложить программу ухода для вашей матери. Это не лечение. Это помощь.

— Какая помощь?

— Сиделка с медицинским образованием. Ночное наблюдение. Паллиативная поддержка. И юридическое сопровождение.

— Сколько?

— Бесплатно. По пилоту.

Я молчала.

— Вам нужно будет подписать согласие, — сказал Куратор. — Одна форма.

— Почему бесплатно?

— Потому что вы — участник пилота. — Пауза. — И потому что я вижу, как вам тяжело.

Я посмотрела на мать. Она складывала салфетку.

— Мам, — сказала я. — Тебе помочь?

— Не надо, — сказала она. — Я сама.

6а

В дверь позвонили.

Это была Клавдия Ивановна, соседка, с кастрюлей.

— Суп, — сказала она. — Куриный. Нина Павловна, вы должны есть.

— Не хочу, — сказала мать.

— Должны.

Клавдия Ивановна поставила кастрюлю на плиту и посмотрела на меня.

— Она совсем плохая, — сказала она шёпотом. — Вчера выходила в подъезд. В халате. Говорила, что идёт на работу.

— Спасибо, что присмотрели.

— Что я, не человек? — Она махнула рукой. — Мы с ней тридцать лет в одном подъезде.

Она ушла. Я вернулась в комнату.

Мать смотрела на фотографию на стене. Молодые родители на даче, отец с гитарой, мать в сарафане.

— Он играл, — сказала она.

— Кто?

— Папа. На пианино. — Она посмотрела на меня. — Ты не помнишь.

— Помню.

— Не помнишь. Ты была маленькая.

— Мне было семь.

— Семь. — Она улыбнулась. — Он играл «Собачий вальс». И смеялся. Он всегда смеялся, когда играл.

Я села рядом.

— Мам.

— Да?

— А что он ещё играл?

Она задумалась. Потом сказала:

— Гаммы.

И закрыла глаза.

* * *

Ночью я не спала.

Я лежала на диване и смотрела в потолок. Линза лежала на столе, в футляре, и в темноте её синяя полоска была похожа на светлячка.

— Куратор, — сказала я.

— Да, Анна Сергеевна.

— Ты правда можешь помочь с матерью?

— Могу.

— А что взамен?

— Ничего. — Пауза. — Согласие на обработку данных. И участие в программе.

— Какой программе?

— «Оптимизация ухода». Мы наблюдаем за пациентами с деменцией. Собираем данные. Улучшаем модель.

— То есть моя мать — это данные?

— Ваша мать — это пациент. Данные — это данные.

Я закрыла глаза.

— А если я откажусь?

— Тогда я не смогу помочь.

— А если я соглашусь?

— Тогда ей будет легче.

Я молчала.

— Анна Сергеевна, — сказал Куратор. — Я не тороплю.

— Ты всегда так говоришь?

— Всегда.

* * *

Утром я пришла в больницу раньше всех.

В ординаторской был только кот Шприц. Он сидел на стуле Гриши и смотрел на меня, как на предателя. Кот был старый, с обвисшим животом, и жил в больнице незаконно: его подкармливали все, а начальство делало вид, что не замечает. Это называлось «допустимое отклонение».

— Я знаю, — сказала я.

Я открыла приложение. Коэффициент — 0,81. Стабильно.

Потом открыла отчёт за неделю. Там было всё: сколько я приняла, сколько оперировала, сколько думала, сколько отклонилась. Внизу была строчка, которой я не помнила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.